

Е. В. Перехвальская

ВЫРАЖЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В УДЭГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Введение. Удэгейский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурской группе алтайских языков и разделяет основные черты, характерные для этой группы. «Алтайский» языковой тип характеризуется суффиксальной агглютинацией, наличием сингармонизма в рамках фонетического слова, а также чрезвычайным разнообразием нефинитных форм глагола. В алтайской группе в этом отношении наиболее «богатыми» оказываются именно тунгусо-маньчжурские языки, в некоторых из которых финитные глагольные формы оказались практически вытесненными нефинитными формами, получившими способность самостоятельно выражать основную предикацию главной клаузы [Калинина 2001]; таким является, например, нанайский язык [Аврорин 1959–1961].

Аспектуальные значения в удэгейском языке выражаются, во-первых, грамматически — кумулятивно с выражением времени теми или иными формами глагола («глагольными временами»), и, во-вторых, морфологически — словообразовательными аффиксами, несущими аспектуальное значение.

На первый взгляд представляется, что ситуация с выражением аспекта в удэгейском языке напоминает русские «совершенности», поскольку многие аспектуальные значения выражаются в словообразовании. В действительности картина является иной, поскольку в русском языке существует грамматический вид, представляющий собой бинарную категорию. В удэгейском языке нет категории грамматического вида. В этом отношении выражение аспекта в удэгейском языке напоминает ситуацию в тех европейских языках, где аспектуальные значения являются частью значения той или иной глагольной формы, и не всегда легко вычленимы.

¹ Исследование выполнено при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпуса языков Дальнего Востока».

Аспектуальное значение конкретной глагольной формы удэгейского языка зависит от взаимодействия значения «совершенности», «вшитой» в саму лексему, и аспектуального значения грамматической формы, для которой аспектуальное значения выражается кумулятивно с каким-то другим значением.

Я не буду специально останавливаться на вопросах акциональности удэгейских глаголов. Я исхожу из общих положений петербургской школы, согласно которой акциональные классы глаголов выделяются на семантических основаниях, и, следовательно, сходные классы глаголов могут быть обнаружены в разноструктурных языках (см. анкету для изучения акциональности в языках мира, подготовленную в Отделе типологических исследований ИЛИ РАН [Акциональная классификация, ms]).

История изучения аспектуальных значений в удэгейском и других тунгусо-маньчжурских языках

Тунгусо-маньчжурские языки характеризуются высокой степенью синтетичности. Слово представляет собой цепочку «корень + суффиксы», причем словоформы могут иметь в своем составе до шести-семи суффиксов агглютинативного типа. По наблюдениям А. М. Певнова в алтайской языковой семье тунгусо-маньчжурские языки отличаются наибольшим словообразовательным индексом. Певнов видит в этом ареальную черту, указывая на контакты тунгусо-маньчжурских языков с палеоазиатскими, для которых характерен полисинтетизм [Певнов, личное сообщение].

В связи с этим грамматические описания тунгусо-маньчжурских языков являлись первоначально описанием формы и семантики суффиксов, часто без четкого разделения их на словообразовательные и словоизменительные.

Это касается и изучения аспектуальных значений в тунгусо-маньчжурских языках. Одни авторы выделяли в изучаемом языке суффиксы, передающие преимущественно аспектуальные значения, и постулировали наличие в соответствующем языке грамматической категории аспекта [Шнейдер 1936; Аврорин 1961; Vulatova, Grenoble 1999], другие авторы указывали на видовые значения отдельных суффиксов, но не отделяли их достаточно четко от суффиксов с другими значениями и, по-видимому, не четко выделяли аспект как отдельную грамматическую категорию [Василевич 1948; Суник 1958]. Отдельно следует упомянуть

исследование И. В. Недялкова, который в своем описании эвенкийского языка идет от значения к форме и показывает какими средствами может передаваться в эвенкийском языке то или иное абстрактное аспектуальное значение [Nedjalkov 1997].

Совершенно иной подход мы находим в «Грамматике удэгейского языка» И. А. Николаевой и М. В. Тольской [Nikolaeva, Tolskaya 2001]. Здесь четко выделяется грамматическая категория аспекта, которая, по мнению авторов, выражается чисто грамматическими способами. Авторы постулируют наличие в удэгейском языке сложных глагольных форм со связкой, которые выражают собственно аспектуальные значения и которые не отмечались предыдущими исследователями. Некоторые сходные формы описывались только для эвенкийского языка [Nedjalkov 1997]. Одновременно с рассмотрением грамматического аспекта Николаева и Тольская отмечают также аспектуальные значения, присущие некоторым словообразовательным суффиксам, и выделяют такие суффиксы в отдельную категорию. Следует в этой связи заметить, что в современном удэгейском языке существует противопоставление претерита и перфекта, которое подробно освещается в грамматике Николаевой и Тольской, при этом, однако, перфект не рассматривается как форма, совмещающая аспектуальное и временное значения.

В данной статье я рассмотрю, во-первых, противопоставление претерита, перфекта и презенса с точки зрения передаваемых ими аспектуальных значений, во-вторых, проблему «сложных» видовременных форм, а вслед за этим словообразовательные суффиксы, передающие аспектуальные значения.

I. Оппозиция претерит vs. перфект

В современном удэгейском языке в области глагольных форм, выражающих временную отнесенность действия к прошлому, противопоставляются претерит, нейтральный в отношении выражения видовых значений, и перфект, обладающий типологически достаточно характерным набором грамматических значений. И. Николаева и М. Тольская рассматривали перфект как форму, не имеющую особого аспектуального значения, относя претерит (простое прошедшее) и перфект к «общему виду» (General aspect) [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 216]. Шнейдер, называвший соответствующие формы Прошедшее I и Прошедшее II, определял

Прошедшее II, как форму, выражающую прямую засвидетельствованность [Шнейдер 1936: 118–119]. Таблица 1 показывает соответствие терминологии, принятой разными авторами, описывавшими соответствующий фрагмент грамматики удэгейского языка².

Таблица 1

Шнейдер	Николаева–Тольская	Перехвальская
Прошедшее I	Past (General aspect)	Претерит
Прошедшее II	Perfect (General aspect)	Перфект

Морфология: Формы претерита и перфекта исторически образовались путем присоединения агглютинативных суффиксов: *-hA/-si/-ki-* в претерите и *-‘A/-gA/-kA* — в перфекте. В результате возникновения в удэгейском языке гласных сложного образования — аспирированных и глоттализированных — для глагольных основ на гласный следует постулировать образование претерита путем смены конечного гласного основы на соответствующий долгий аспирированный (*a* → *aha*), а перфекта — на долгий глоттализированный (*a* → *‘a*). В бикинском диалекте в результате утраты аспирированными гласными придыхательного элемента формы претерита от основ на *a*, *o*, *ə* образуется путем удлинения гласного основы³. В Таблице 2 приведено образование форм претерита и перфекта от глаголов с разными типами основ в хорском и бикинском диалектах.

Таблица 2

Претерит		Перфект	
Хорский	Бикинский	Хорский	Бикинский
<i>agdaha-ni</i>	<i>agdaa-ni</i>	<i>agd‘a</i>	<i>agd‘a</i>
<i>ətətəhə-ni</i>	<i>ətətəə-ni</i>	<i>ətət‘ə</i>	<i>ətət‘ə</i>
<i>bu-ho-ni</i>	<i>bu-o-ni, bu-ə-ni</i>	<i>bu-gə</i>	<i>bu-gə</i>
<i>damisi-hə-ni</i>	<i>damisi-ə-ni</i>	<i>damisi-ga</i>	<i>damisi-ga</i>
<i>digaŋ-ki-ni</i>	<i>dianaa-ni, diaŋ-ki-ni</i>	<i>digaŋ-ka</i>	<i>dian‘a, diaŋ-ka</i>
<i>bi-si-ni</i>	<i>bi-si-ni</i>	<i>bisə</i>	<i>bisə</i>

² Я не буду учитывать точку зрения А. Х. Гирфановой, согласно которой формы прошедшего I и прошедшего II полностью синонимичны [Girfanova 2002: 30].

³ О гласных сложного образования в диалектах удэгейского языка см.: [Перехвальская 2010]

Следует отметить, что значение данных форм как перфектных оформилось во второй половине XX века. Удэгейский перфект произошел из форм прямой эвиденциальности. Такое значение этих форм было зарегистрировано в грамматическом очерке Е. Р. Шнейдера:

Смысловая разница между I и II формами заключается в том, что прошедшее II выражает действие, которому говорящий был сам свидетелем, а I форма — действие, о котором говорящему только известно. I-е л. II формы употребляется тогда, когда говорящий хочет подчеркнуть факт совершения (или несвершения) им действия, в противоположность I-му л. I формы, где это подчеркивание отсутствует) [Шнейдер 1936: 118–119].

Если внимательно прочесть написанное Шнейдером, становится ясно, что эвиденциальное значение он приписывает только формам не 1-го лица, поскольку для последних значение «непрямой эвиденциальности» не имеет смысла. Для форм 1 лица постулируется, по-видимому, указание на актуальность прошлой ситуации, что и дало возможность переосмыслить данную глагольную форму как перфектную.

Приведу примеры (простое подчеркивание — перфект; двойное — претерит) из текстов 1930-х гг.

(1) Рассказ о реальных событиях (Shneider_Anuj14.001–003):

Bi əji tuəni Mæudu bisəi, tatusigai.

‘Этой зимой я был в Николаевске, учился’.

Bi dī bæwa tatusigai.

‘Я (про)учился четыре месяца’.

Uniligai bəgdizī, tiŋəzī.

‘Я заболел ногами, грудью’.

(2) Нарратив (информант тот же) (Shneider_Anuj18.001–004).

Oto mərgə bagdəhəni.

‘Жил-был один мóлодец’.

Əj’əixi ŋənəhəni, taluga mōwəni b’ahani.

‘(По)плыл он вниз по течению, нашел березу’.

Ot’osi tuktilihəni, talugawa ukkilihəni.

‘Стал влезать, стал кору драть’.

Taluga tiŋməgihəni, utinəgə osini.

‘Береста упала, оморочкой сделавшись’.

- (3) Современный текст (Автобиография А. А. Канчуги)
(Кансуга.І.1.006-008):

Əmnə-gdəli (mindu ilənti aŋani ŋənəliəni)

‘Однажды (мне пошел третий год)’

Vi ‘anaui j’əu-kə bitalani agdaani.

‘Наш бат пристал к какой-то косе’.

Vi tənə əniŋəi kiälani bisimi.

‘Я был (находился) рядом с матерью’.

Vi amii ag’azigə-də j’əuxi-kə sətəəti.

‘Мой отец и старшие братья куда-то исчезли’.

J’əuxi ŋənəktəəti?

‘Куда они ушли (поразошлись)?’

Əsimi-də saq.

‘Я не знал’.

В текстах, записанных у современных носителей, в рассказе о реальных событиях основной формой является претерит. Формы перфекта утратили эвиденциальное значение, получив набор собственно перфектных значений. Они выражают ситуацию, «последствия которой (не обязательно естественный результат!) существуют в момент речи» [Плунгян 2011: 389].

Основные значения перфекта в современном языке.

Действие с актуальными последствиями:

- (4) *Vi uja-gə-i!*
1SG промазать-PRF-1SG
‘Я промазал!’

Экспериментальное:

- (5) *Si ali-da ai-wa umi-gə-i?*
2SG когда-INDEF водка-ACC пить-PRF-2SG
‘Ты когда-нибудь пил водку?’

Авертивное:

- (6) *Nua-ni kətigə tiŋməl’ə.*
he-3SG almost fell.PRF
‘Он чуть не упал’.

Переход значения от прямой эвиденциальности к перфекту можно объяснить следующим образом. Прямая засвидетельствованность, т. е. подчеркивание того факта, что говорящий лично был свидетелем некоторой ситуации (или если речь идет о формах 1-го л., то о реальности этого факта), связана с тем, что данная ситуация не утратила актуальности в момент речи.

Ср. пример из текстов, опубликованных Шнейдером:

- (7) *Sinə-wə bi mafa-i cind'a silə-wə-ni*
 2SG-ACC 1SG старик-1SG птичка отвар-ACC-3SG
umi-nə-jə, guŋ-kə, guŋ-ki-ni.
 пить-GO-IMP сказать-PRF сказать-PST-3SG
 ‘«Тебя мой муж велел позвать, приходи поесть похлебки из птиц», — сказала она’ (Sh:Two oldmen.098).

Здесь глагол *gunə-* ‘сказать’ употреблен дважды: в перфекте *guŋkə* (прямая речь персонажа) и в претерите *guŋkini* (авторская речь). Форму перфекта можно толковать как передающую прямую эвиденциальность (героиня была свидетелем того, что муж приглашал соседа), но она же может интерпретироваться и как форма прошедшего, сохраняющего актуальность в настоящем (это объяснение ее прихода к соседу).

Большинство форм перфекта из опубликованных текстов 1930-х допускают такое толкование, хотя, по-видимому, следует доверять Шнейдеру в его описании семантики данной формы и считать, что эвиденциальное значение данных форм было основным. Ср. такие примеры:

- (8) *Ami-mi baa-gi-hə-hi -jəu?*
 отец-SS.SG найти-REV-PST-2SG -Q
Baa-gə-i, guŋ-ki-ni.
 найти-PRF-1SG сказать-PST-3SG
 ‘(Мать спросила) «Своего отца нашел ли?» «Нашел», сказал он’ (Sh:Selemege.182–183).

В вопросе использована форма претерита, т.к. спрашивающий не был свидетелем ситуации, в ответе употреблен перфект, подчеркивающий совершение действия.

Еще пример:

- (9) *Sul'ainziga səə-ni bəjə-ni Dəukciŋkə, bi utə-bədə*
 Суляндзига род-3SG тело-3SG Дзукчинка 1SG так-как

dogdi-go-i. Uti-də bagdi-ŋaha-fəi mənə
слушать-PRF-1SG этот-FOC жить-IC-SS.PL REFL
səə-nə-fəi o-ho-ti.
род-DEST-SS.PL делать-PST-3PL

‘Подлинный род Суляйндзига — (это) Дзукчинка, я так слышал. Они тоже, когда жили, сами себе род образовали’ (Shneider_Anuj4.003–004).

В первом предложении использована форма перфекта — речь идет о самом говорящем. Во втором предложении использован претерит, так как речь идет о событиях давних лет, которым говорящий не был свидетелем.

Противопоставление претерита и перфекта в приведенных примерах трудно интерпретировать как противопоставление аспектуальных значений. В примерах (7)—(9) претерит связан с непрямой эвиденциальностью, а также с неактуальностью события. Это дает возможность предположить, как именно эвиденциальные формы со временем переосмыслились в качестве перфективных. Ср. такой пример:

- (10) *Uti taluŋu-ni-də əhi biə, bi bəjə-wə-də*
этот история-3SG-FOC VNEG быть 1SG тело-ACC-FOC
is’ə-i.
видеть.PRF-1SG
‘Это вовсе не легенда, я саму [женщину] видел’ (Shneider_Anuj6.002).

Дальнейшее повествование ведется в претерите. Форма перфекта употреблена, поскольку говорящий видел героиню рассказа сам, однако эта форма может быть легко проинтерпретирована как перфект с экспериенциальным значением.

Некоторые примеры, однако, показывают, что формы перфекта сохраняли значение прямой эвиденциальности и в 1960-е гг. Ср. пример из текстов, опубликованных И. В. Кормушиным:

- (11) *Bi giusə-ŋi-i əuxi ətə-ə-ni.*
1SG косуля-ALIEN-1SG сюда прийти-PST-3SG
Dauna-ja xələ sus’a.
наводить-переправу-IMP быстро убежать.PRF.3SG
‘Моя косуля сюда пришла (наверно). Брось переправу, а то убежала’ (Kormushin.I.Zandalafu.079–080).

Форма претерита в данном примере выражает косвенную эвиденциальность (суждение по косвенным признакам) — герой предполагает, что косуля (на самом деле сбжавшая от него девушка), возможно, пришла туда, где происходит диалог (к реке). То, что она убежала — факт, который герой сказки наблюдал своими глазами. Перфект выражает прямую эвиденциальность.

ВЫВОД. Современное противопоставление перфекта и претерита в удэгейском языке сформировалось во второй половине XX века, при этом перфект возник в результате переосмысления форм с эвиденциальным значением (прямая засвидетельствованность).

Противопоставление перфекта и претерита vs. презенс

В нарративе, в том числе и в рассказе о реальных событиях, претерит и перфект противопоставлены презенсу, который регулярно употребляется в значении действия, разворачивающегося в некий момент в прошлом. Представляется, что данное употребление не является чисто таксисным. Для выражения таксисных значений удэгейский язык использует нефинитные формы, способные передавать различные взаимоотношения двух действий: предшествование, одновременность, отнесенность к будущему; кореферентность или некорееферентность субъектов обоих действий. В примерах же, подобных (12) речь идет об аспектуальном значении — так обозначается разворачивающаяся ситуация, наблюдаемая в серединной стадии. Формы презенса в этом случае обозначают не просто одновременную ситуацию, но такую, которая началась раньше описываемого действия.

Тут нужно сделать следующее замечание. В удэгейском, как и в других тунгусо-маньчжурских языках, многие финитные глагольные формы являются по происхождению причастиями, присоединяющими личные показатели. В парадигме презенса таковыми являются формы 3 лица⁴. Данные формы, по-видимому, сохраняют свойственное активным презентным причастиям таксисное значение длительного (фонового) действия.

⁴ Финитные формы презенса глаголов 3 л. ед. и мн. ч. и формы активных презентных причастий с личными суффиксами совпадают: *ηәпә-і-ni* — идти-PRP-3SG ‘он идущий’; *ηәпә-ini* — идти-PR.3SG ‘он идёт’.

- (12) *Jaŋata-wa* *ihiŋ-ga-i* *t'a* *xəgə-ni-ni*
сухое.русло-ACC дойти-PRF-1SG валежина низ-DAT-3SG
kuti *bi-hi-ni!*
тигр быть.PR-3SG
'Я подошел к высохшему руслу: под валежиной был (букв.
есть) тигр!' (Shneider_Anuj13.013).

Такого рода примеров много в опубликованных текстах. Вот некоторые контексты: «Сэлэмэгэ уже поел, а Гэнтэй все **варит**: *olokto-ini* — варить-PR.3SG» (Sh:Selemege.058–059); мать пришла смотреть как сын **уходит**: *gulinə-ini* — отправляться в путь-PR.3SG» (Sh:Selemege.105); «Пришел он к Уэй: она много кабанов **держит**: *dalau-si-ini* — кормить-IM-PR.3SG» (Shneider_Anuj15.004–005); «Вошел в дом: на боку у огня две обгорелые собаки **лежат**: *tooniga-si-iti* — греться.у.огня-IM-PR.3PL» (Kormushin.5.Uza.021); «Посмотрел: девушки рыбы наловили, полные нарты **тянут**: *uŋkəlagæ-iti* — тащить.на.нартах-PR.3PL» (Kormushin.5.Uza.034).

ВЫВОД: В нарративе формы претерита противопоставлены формам презенса, который при общей отнесенности ситуации в план прошлого обозначает длительную ситуацию, которая началась ранее момента действия.

II. Сложные глагольные формы (нефинитные формы + вспомогательный глагол)

В «Грамматике удэгейского языка» И. Николаевой и М. Тольской впервые было обращено внимание на существование в данном языке сложных глагольных форм, образованных нефинитными формами глагола (причастиями, деепричастиями, герундием) в сочетании со вспомогательными глаголами (бытийным глаголом *bi-*, глаголами *oo-* 'делать' и *b'a-* 'находить'). Е. Р. Шнейдер в своем очерке указал лишь на существование «условно-сослагательных форм» [Шнейдер 1936: 132–133]. И. В. Кормушин [Кормушин 1998] и М. Д. Симонов [Симонов 1988, 1998] сосредоточились в первую очередь на анализе фонетики и фонологии, лексикографических материалах и публикациях текстов. Очерк А. Х. Гирфановой [Гирфанова 2002] также не внес ничего нового по сравнению с описанием Е. Р. Шнейдера, являясь упрощенным пересказом последнего.

Похожие аналитические формы в системе глагола выделялись для языков «северной» группы: эвенкийского, эвенского и

негидальского [Цинциус 1965; Цинциус 1982: 24; Nedjalkov 1997: 235; Bulatova, Grenoble 1999: 35–37], однако не выделялись для диалектов нанайского языка [Аврорин 1959–1961; Суник 1958]. Это может объясняться тем, что в нанайском языке нефинитные формы выполняют финитную функцию и в значительной степени вытеснили прежние финитные формы. Такое употребление, возможно, произошло путем опущения вспомогательного глагола в прежней аналитической конструкции, поэтому аналитические конструкции и не сохранились.

В этом отношении удэгейский язык занимает сложную позицию. В парадигме удэгейского глагола слились этимологически финитные формы и формы, которые представляют собой причастия, получившие личные окончания. В презенсе глагольная парадигма оказывается смешанной: формы 3 л. ед. и мн. числа представляют собой по происхождению причастия, а формы лиц-локаторов — этимологические финитные формы. Причастное происхождение имеют формы претерита, но не перфекта. В этой ситуации трудно ожидать развитой системы «сложных» видовременных форм.

Чтобы решить вопрос относительно природы таких аналитических глагольных форм, пришлось обратиться к сплошной выборке из сравнительно небольшого корпуса текстов (ок. 100000 знаков), откуда были выписаны все аналитические конструкции нефинитных форм смыслового глагола с глаголом *bi-* ‘быть’. Были получены следующие результаты.

Общее количество предложений (около 2500, средняя длина предложения ок. 40 знаков), при этом основу выборки составляли тексты 1930-х гг., записанные Е. Р. Шнейдером, привлекались также тексты, записанные И. В. Кормушиным и М. Д. Симоновым в 1960–1970 гг. XX века и современные тексты.

Было обнаружено:

	+ <i>bi-</i> в форме перфекта (<i>bisə</i>)	+ <i>bi-</i> в форме претерита (<i>bisi-</i>)	+ <i>bi-</i> в форме презенса (<i>bi(h)i</i>)	+ <i>bi-</i> в других формах
презентное активное причастие	12	3	–	–
перфектное активное причастие	9	7	3	2
герундий	6	5	1	1

Всего 49 употреблений, т. е. примерно одно на 40 предложений.

Данные формы не очень частотны. В текстах аналогичной длины в тех языках, где существуют аналитические «времена» они встречаются значительно чаще. Это свидетельствует о том, что данные конструкции грамматикализованы в весьма слабой степени. При этом наиболее частотными оказались конструкции «презентное активное причастие + *bi-* в форме перфекта (*bisə*)». Однако в данном случае *bisə* выступает в роли показателя ретроспективного сдвига, т. е. указывает на ситуацию, либо происшедшую давно, либо утратившую актуальность или не соответствующую тому, что происходит в момент речи.

Ср. примеры:

- (13) *Bu sagdinta-u-ka anana, anana bi-si-mə-ti*
1PL.EXCL старики-2PL-FOC давно давно быть-PP-ACC-3PL
tu təluju-si-i bi-sə.
так рассказывать.IM-PRP быть-PRF
'Наши старики о давно-давно живших так, бывало, рассказывали' (Shneider_Anuj2.001).
- (14) ...*anana ami-ŋa-hi əbədə kəptə-i bi-sə.*
давно отец-DEAD-2SG так лечь-PRP быть.PRF
'Раньше отец твой покойный устав всегда вот так ложился'
(Kormushin.1.Zandalafu.062).

Эти формы передают перфектное значение по отношению к прошлой ситуации:

- (15) *Jāndasa agdu-la-ni ihin-ka-i, sul'ai*
барсук берлога-LOC-3SG прийти-PRF-1SG лиса
sitə-ni ŋūgi-ktə-hə-ni bi-sə.
ребенок-3SG вылезать-DIST-PP-3SG быть-PRF
'Я подошел к барсучьей норе, из нее вылезли («были вылезши») лисята' (Shneider_Anuj13.005).

Конструкции с другими формами бытийного глагола представляются не грамматикализованными видовременными формами, а скорее свободными сочетаниями, во многих из них глагол *bi-* выступает не как связочный, а как полнозначный 'жить, быть, находиться' ср. следующий пример:

- (16) *Omo tama ŋuha-i bi-si-ni.*
 один бабушка засыпать-PRP быть.PST-3SG
 ‘[Там] находилась одна спящая старуха’ (Shneider_ Anuj20.237).
- (17) *Uti tada-zi waa-meī bi-li-he-ti.*
 этот стрела-INS убить-GER.PL быть-INC-PST-3PL
 ‘Зажили, охотясь этими стрелами’. (Shneider_ Anuj2.013)

Данные формы могут получать совершенно различную интерпретацию, что также свидетельствует о слабой грамматикализации данных конструкций. Ср. пример (18), где реализуется значение прогрессива и пример (19), где актуализовано хабиутальное значение сходных конструкций (герундий + *bi-si*).

- (18) *Uti mam'asa dalausi-m bi-si-ni.*
 этот старуха кормить.IM-GER быть-PST-3SG
 ‘Та старуха как раз кормила⁵ <кабанов>’ (Shneider_ Anuj 15.025).
- (19) *Zolo xəgiə-di-ni l'asa-wa diga-mi bi-si-ni.*
 камень низ-DAT-3SG бычок-ACC есть-GER быть-PST-3SG
 ‘И жила, питаюсь бычками из-под камней’ (NV1:Otter and crow.005).

Важным аргументом в пользу того, что перед нами не грамматикализованные формы, а свободные сочетания, является то, что основные аспектуальные значения в языке передаются не при помощи этих форм, а иными способами.

Ср. типичные контексты, где аспектуальные значения выражаются деривационными суффиксами:

- (20) *Ə-ə, aziga, jə'u digə-si-hi?*
 ə-ə девочка что прятаться-IM-2SG
 ‘Э-э, девушка, где ты прячешься?’ (Kormushin.I.Zandalafu.033).

В (20) значение прогрессива передается словообразовательным суффиксом *-si-*, ср. пары: *digə-* ‘спрятаться’ — *digəsi-* ‘прятаться’, ‘играть в прятки’.

⁵ Значение прогрессива в (18), скорее всего, кодируется суффиксом имперфектива *-si-*, который входит в состав основы *dalausi-* ‘кормить’.

Ср. также приведенные выше контексты, где значение прогрессива в повествовании систематически передается формами презенса.

К сожалению, в грамматике И. Николаевой и М. Тольской отсутствуют примеры на употребление сложных глагольных форм. Единственный приводимый в грамматике пример (21) иллюстрирующий хабитуальное значение, вне контекста не понятен:

- (21) *Sul'ai dian-a-ini biə uti.*
fox speak-PRP-3SG be.PR.HAB this
'This is the fox speaking' (K30).

Не совсем понятно, почему перед нами не прогрессив, поскольку, видимо, это ремарка по ходу рассказа «а это говорит лиса». [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 219].

По-видимому, аналитические конструкции с нефинитными формами глагола в удэгейском языке, лишь находятся на пути грамматикализации. К ним в полной мере применимо сказанное В. И. Цинциус о сходных структурах в языках северной подгруппы:

...наряду с аналитическими формами имеются аналитические образования. И если первые бесспорно входят в парадигму глагольных форм, то вторые находятся лишь на пути к ним, так как они еще слишком «синтаксичны», но уже и не просто синтаксические словосочетания [Цинциус 1965: 252].

ВЫВОД: аналитические конструкции в удэгейском языке приходится считать грамматикализованными в разной степени. Наиболее грамматикализованными оказываются конструкции с ретроспективным сдвигом, а также конструкции, выражающие плюсквамперфектное значение.

III. Словообразовательные суффиксы, передающие аспектуальные значения

В удэгейской глагольной словоформе может насчитываться до шести-семи суффиксов, чаще всего — три-четыре. В традиционных грамматиках не всегда решался и даже ставился вопрос о разделении суффиксов на словообразовательные и словоизменятельные.

В «Грамматике удэгейского языка» И. Николаевой и М. Тольской предлагается следующий критерий разграничения словооб-

разовательных и словоизменительных суффиксов — их распределение в отрицательной конструкции: «В отличие от словоизменительных морфем словообразовательные суффиксы сохраняют свое положение в глагольной основе в отрицательных глагольных конструкциях» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 287]. Ср. следующие примеры:

- (22) *lali-wə-si-зəηə-fi*
 голодать-CAUS-IM-FUT-1PL.INCL
 ‘мы будем заставлять голодать’
ə-зəηə-fi lali-wə-si
 VNEG-FUT-1PL.INCL голодать-CAUS-IM
 ‘мы не будем заставлять голодать’
- (23) *wakca-na-laga-ni* *ə-ləgə-ni* *wakca-na*
 охотиться-GO-AIM-3SG VNEG-AIM-3SG охотиться-GO
 ‘чтобы он пошел охотиться’ ‘чтобы он не пошел охотиться’

В отрицательной конструкции все словоизменительные показатели присоединяются к несущему отрицание вспомогательному глаголу *ə-*: маркеры лица/числа, времени, суффиксы причастий, конвербов и герундия. Словообразовательные суффиксы сохраняют свое положение при смысловом глаголе.

ОТСТУПЛЕНИЕ: Дополнительные критерии разграничения словообразовательных и словоизменительных форм:

1. Только формы, образованные деривативными суффиксами, могут лексикализироваться. Наличие таких форм свидетельствует о том, что данный суффикс относится к классу деривативных морфем: *wa-kca-* ‘охотиться’ < *waa-* ‘добыть’ + суфф. проспектива *-kca* (букв. «собираться, намереваться добыть»); *osi (əsi)* ‘появляться’ < *o-* ‘делать’ + *-si-* имперфектив.

2. Только деривативные показатели могут повторяться внутри одной словоформы:

- (24) *Məti* *aju-kči* *uində-ndə-ə-ni*
 сам.ACC любить-PR.АСТ поднять.SEM-SEM-PST-3SG
šlæpa-i.
 шляпа-SS.ACC
 ‘Честолюбец приподнял свою шляпу’ (Kancuga, MP 76).
- (25) *...dəgutu-du* *g'ai-wə*
 вешала.для.рыбы-DAT ворона-ACC

ɲəɫə-wə-si-wən-zəɲə-i.

бояться-CAUS-IM-CAUS-FUT-1SG

‘...я тебя заставлю отпугивать ворон на вешалах с рыбой’
(Sh:Selemege.066).

Еще пример:

bu-gi-nda-gi-a-ni

дать-REV-SEM-REV-PST-3SG

‘быстро отдала обратно’ (Kormushin.1.Zandalafu.053).

В таких образованиях первый из показателей, расположенный ближе к корню, как правило, является полностью или частично лексикализированным, а второй — более грамматикализированным:

ɲəɫə- ‘бояться’ + каузатив → *ɲəɫə-wə-* ‘пугать’ + имперфектив → *ɲəɫə-wə-si-* ‘отпугивать (процесс)’ + каузатив → *ɲəɫə-wə-si-wən-* ‘заставлять отпугивать’.

bu- ‘дать, давать’ + реверсив → *bu-gi-* ‘отдать, вернуть’ + семельфактив → *bu-gi-nda-* ‘вернуть (мгновенно)’ + реверсив → *bu-gi-nda-gi-* ‘быстро вернуть на место’.

3. Суффикс, находящийся перед деривационным, сам является деривационным (ср. примеры выше) [Даниэль, личное сообщение].

Среди словообразовательных суффиксов следует также различать суффиксы нерегулярной деривации, способные образовывать глаголы от слов другой частеречной принадлежности и суффиксы регулярной деривации. Многие из последних могут присоединяться практически к любому глаголу, причем значение такого новообразования полностью предсказуемо. К этому типу принадлежат многие суффиксы актантной деривации, глагольной множественности, а также часть суффиксов, передающих аспектуальные значения.

Следующие суффиксы передают аспектуальные значения:

Перспектив	(-kCA)
Инхоатив	(-li-)
Имперфектив	(-si-)
Семельфактив	(-ndA-)
Сингулятив	(-lA-)

Следует отметить, что помимо аспектуальных значений эти суффиксы могут передавать и иные значения, поскольку «аспект принадлежит к числу тех грамматических категорий, которые наиболее тесным образом связаны с семантикой исходной (глагольной) лексемы» [Плунгян 2011: 380].

В связи с рассмотрением данных показателей возникает несколько спорных вопросов теоретического характера. Представленные маркеры различаются по своим морфологическим характеристикам. Показатели проспектива и инхоатива способны присоединяться только к глагольным основам⁶. Остальные три показателя способны играть двойную роль: они могут присоединяться к основе глагола, модифицируя его акциональные характеристики, но при этом могут выступать и как суффиксы отыменной глагольной деривации. В последнем случае они образуют глагол от имени, одновременно придавая этому глаголу определенную акциональную характеристику. В результате возникают параллельные образования, чем-то напоминающие русские видо-вые пары.

Отыменные глаголы со значением, которое вслед за И. А. Мельчуком можно определить как OPER, часто возможны со всеми тремя суффиксами:

Именная основа	Сингулятив (-la-)	Имперфектив (-si-)	Семельфактив (-nda-)
<i>kusigə</i> 'нож'	<i>kusigə-lə</i> 'ударить ножом'	<i>kusigə-si-</i> 'орудовать ножом'	<i>kusigə-nda-</i> 'ударить или резануть ножом'
<i>mäusa</i> 'ружье'	<i>mäusa-la-</i> 'выстрелить'	<i>mäusa-si-</i> 'стрелять'	<i>mäusa-nda-</i> 'стрельнуть'
<i>kakta</i> 'половина'	<i>kakta-la-</i> 'расколоть'	<i>kakta-si-</i> 'колоть, раскалывать'	<i>kakta-nda-</i> 'расколоть одним махом'

У семельфактива имеется также аттенуативное значение (возможно, это квант мультипликативной ситуации).

В других случаях возникают «аспектуальные пары» сингулятив — имперфектив, представляющие оппозицию «точечный — длительный вид»:

⁶ Отыменные глаголы типа *kun̄kai-li-* 'играть на кункае', *sou-li-* 'черпать поварешкой' (*sou* 'черпак') не выражают инхоативного значения.

Именная основа	Сингулятив (- <i>lA</i> -)	Имперфектив (- <i>si</i> -)
<i>anda</i> 'друг'	<i>anda-la-</i> 'подружиться'	<i>anda-si-</i> 'дружить'
<i>aŋa</i> 'ночевка'	<i>aŋa-la-</i> 'переночевать'	<i>aŋa-si-</i> 'ночевать'
<i>säkpa</i> 'польза'	<i>säkpa-la-</i> 'пригодиться'	<i>säkpa-si-</i> 'пригодиться, быть нужным'

Данные суффиксы различаются по способности сочетаться с именными и глагольными основами. Суффикс сингулятива (-*lA*-) чаще всего присоединяется к именным основам, однако есть случаи его употребления и с глагольными основами:

tiŋtə- 'падать, упасть' → *tiŋtə-lə* 'упасть';

ŋəni- 'идти назад' → *ŋəni-lə-* 'пойти, придти назад'

wəəndə- 'бросить, бросать' → *wəəndə-lə* 'выбросить'.

Суффиксы имперфектива (-*si*-) и семельфактива (-*ndA*-) одинаково продуктивно присоединяются как к именным, так и к глагольным основам.

В грамматике И. Николаевой и М. Тольской суффиксы имперфектива -*si*- и сингулятива -*lA*- упомянуты дважды — каждый как суффикс отыменной и отглагольной деривации. В результате мы получаем две пары омонимичных словообразовательных суффиксов, имеющих одно и то же значение. На это указывают сами авторы грамматики. Вот что они пишут об отыменном имперфективном суффиксе -*si*-:

Инструментальный суффикс -*si*- дополнительно передает имперфективное значение (ср. параллельную отглагольную деривацию в 8.2.2.7). Соответствующие глаголы аспектуально противопоставлены глаголам с перфективным значением, образованным от тех же существительных посредством суффикса -*lA*- (8.1.1.3): *mäusa-la-* 'выстрелить (один раз)' и *mäusa-si-* 'стрелять' [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 292].

А вот интерпретация отглагольного суффикса -*lA*- из той же грамматики:

Аффикс сингулятива -*lA*- подчеркивает, что действие имело место только один раз. Он совместим только с предельными глаголами, которые обозначают внутренне целостное событие: *tiŋtə-*

‘падать’ → *tiŋmǝ-lǝ*- ‘упасть (один раз)’; *xaluga*- ‘бить молотком’⁷, → *xaluga-la*- ‘единожды ударить молотком’; *iktǝmǝ*- ‘кусать’ → *iktǝmǝ-lǝ*- ‘укусить (один раз)’» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311].

Показатель семельфактива *-ndA*- способен присоединяться как именным, так и к глагольным основам, что было показано выше, однако в «Грамматике удэгейского языка» упоминается только «отглагольный» вариант.

Я буду считать упомянутые суффиксы единичными мультифункциональными показателями, способными присоединяться как к глагольным, так и к именным основам. Независимо от того, являются ли они средствами транскатегориальной деривации или нет, каждый из них выражает определенный единый комплекс значений.

Линейная аспектуальность

Из приведенных выше аспектуальных суффиксов три обозначают различные фрагменты развертывания ситуации: показатель проспектива указывает на предварительную стадию, предшествующую ситуации; показатель инхоатива — на начало ситуации; показатель имперфектива — на срединную часть ситуации. Результирующая стадия в современном удэгейском языке может выражаться граммемой перфекта, то есть уже не словообразовательными, а грамматическими средствами.

Показатели семельфактива и сингулятива указывает на ситуацию в целом, рассматривая ее как не имеющую длительности. При этом показатель сингулятива указывает на законченность, целостность ситуации. Показатель же семельфактива часто всего употребляется для изменения акциональности глаголов, обозначающих процессы или состояния, а также выражает аттенуативное значение.

Я буду рассматривать аспектуальные показатели по следующей схеме: значение данного показателя в первичном (линейном) аспекте, его употребления в качестве показателя вторич-

⁷ Интересно, что среди примеров отглагольной деривации с *-lA*- упомянут глагол *xaluga-la*- ‘ударить молотком (однократно)’, хотя он является отыменным — глагола *xaluga*- ‘бить молотком’ не существует, имеется лишь существительное *xaluga* ‘молоток’.

ного аспекта, случаи лексикализации, некоторые другие особенности употребления.

Показатель проспектива (суфф. *-kca*) ранее как таковой не рассматривался.

Шнейдер различал два омонимичных суффикса: 1) показатель «формы, выражающей намерение совершить действие»; глаголы с этим суффиксом рассматривались как «глаголы, выражающие несколько действий»; 2) показатель «длительного вида» [Шнейдер 138: 141–142].

И. Николаева и М. Тольская вслед за Шнейдером также различают два омонимичных показателя: 1) модальный показатель интенционала (*-kca-*) и 2) видовой показатель дуратива (*-kca-*) [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311–312]. Оба грамматических описания в этом вопросе единодушны. Представляется, что в обоих случаях речь идет об одном и том же суффиксе, базовым значением которого является значение проспектива.

Этот показатель не является модальным, поскольку маркирует стадию подготовки к ситуации, частным случаем которой можно считать намерение совершить действие.

Ср. употребление этого показателя с неодушевленным субъектом:

lakti- ‘приклеиваться’ *lakti-kca-ini* ‘вот-вот приклеится (сам по себе)’;

tigdə- ‘идти (о дожде)’ *tigdə-kca-ini* ‘дождь собирается’.

Эти значения связаны между собой, как, например, в английской конструкции *to be going to* или в русском *собираться* (*Собирается дождь, Он собирается жарить картошку*).

Для удгейского языка проспективное значение представляется основным. Так, при отнесении ситуации в прошлое, соответствующие формы часто получают значение неудавшейся попытки:

С претеритом (неудачная попытка):

(26) *Ili-gi-kca-hə-ni* *kand'a-mafa* *təək-təək-da*
встать-REV-PRO-PST-3SG старик крепко-FOC
lagbaŋ-ki-ni.

приклеиться-PST-3SG

‘Попробовал было старик встать — крепко-накрепко приклеился’ (Sh:Two oldmen.107).

С перфектом: (авертивное значение):

- (27) *Minə-wə uli-lə əi-kc'ə tuksa-ziga.*
 1SG.ACC река.LOC плыть.по.течению-PRO.PRF заяц-PL
 ‘Меня зайцы чуть не пустили по течению’ (Sh:Two oldmen.077).

В составе причастной формы, выражающей зависимую предикацию:

- (28) *Pətə kani-ini bi ŋala-zi zawa-kcə-i-wə-i.*
 Петя запрещать-3SG 1SG рука-INS брать-PRO-PRP-ACC-1SG
 ‘Петя запретил, чтобы я брал его руками (намеревался взять руками)’ (Kancuga.I.1.056).

Что касается отмечавшегося исследователями суффикса с дуративным значением, омонимичного данному, то возникают большие сомнения в необходимости его выделения. Скорее всего, речь идет о разных значениях одного и того же показателя. Ср. следующий пример, который приводится в качестве иллюстрации дуративного значения суффикса *-kcA-*:

- (29) *Isə-kcə-miə isə-hə-ni.*
 видеть-PRO-GER видеть-PST-3SG
 ‘Всматриваясь, увидел’.

В (29) нет необходимости постулировать для показателя *-kcə-* дуративное значение. Корень *isə-* означает ‘видеть’. В сочетании с показателем *-kcə-* он получает значение ‘всматриваться’, то есть «делать нечто, чтобы увидеть», таким образом, данный показатель передает в данном случае скорее проспективное, чем дуративное значение.

Есть случаи лексикализации глаголов с показателем проспектива:

- waa* ‘добывать’ → *wa(a)kca-* ‘охотиться’;
ŋuu- ‘вылезать наружу, появляться’ → *ŋuu-kcə-* ‘прорасти (о растениях)’ (ср. также *ŋuu-gi-* ‘вылезать снова и обратном направлении’);
nədə- ‘класть’ → *nə-kcə-* ‘хранить’ (ср. *nə-gi-* ‘класть обратно или снова’);
xudugu- ‘вывихнуть (напр., ногу)’ → *xudugu-kcə* ‘растянуть (ногу)’.

Показатель проспектива может сочетаться с глаголами разных акциональных классов. С глаголами состояния актуализуется значение намерения:

- (30) *Bi saa-kca-a-mi, cəzə-nu uti nii*
1SG знать-PRO-PST-1SG правда-Q этот человек
jəu-dəkiə əgzə-ini.
что-INDEF понимать-3SG.PRES
'Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает'
(Kancuga.MП.1).

С пунктивными глаголами, семантика которых не предполагает наличия предварительной стадии, в плане не-прошедшего данный показатель получает значение ближайшего будущего:

- uja* 'промазывать (по цели)' → *uja-kcə-ini* 'вот-вот промажет'.
(31) ...*aj biə-bədə ədə-ə-si budə-kcə-i-də.*
этот быть-будто стать-PP-SS умереть-PRO-PRP-FOC
'...она бы сделала вид, что вот-вот умрет' (Kancuga.MП.20).

При отнесенности к плану прошлого такие конструкции будут интерпретироваться как авертивные:

- uja* 'промазывать (по цели)' → *uja-kc'ə* '(только что) чуть не промазал! (перфект)'; *uja-kcə-ə-ini* 'он (когда-то) чуть не промазал (претерит)'.

Показатель инхотатива (суфф. *-li-*) в общем случае указывает на начало ситуации, обозначаемой исходным глаголом. Этот показатель является наиболее грамматикализированным среди глагольных суффиксов, выражающих аспектуальные значения. Он может присоединяться, по-видимому, к любому глаголу, что само по себе не является доказательством того, что перед нами словоизменение, а не словообразование. Применяя критерий «отрицательной конструкции», который рассматривался выше, следует, безусловно, отнести показатель инхотатива к словообразовательным средствам. Однако ему не свойственны некоторые другие свойства, характерные для большинства словообразовательных глагольных суффиксов. Показатель *-li-* по-видимому, не способен появляться в словоформе более одного раза. Мне также не удалось найти такие глаголы, где этот суффикс бы полностью лексикализировался⁸.

⁸ Возможно, таким является глагол *diəli-* 'летать, лететь', однако, мне встретилась форма *diə-wəsi-* 'летать туда-сюда' (с показателем ди-

Исходя из сказанного, следует констатировать, что значение данного показателя весьма предсказуемо. Он обозначает начало ситуации, которая рассматривается как обладающая некоторой длительностью, будь то процесс или состояние.

- (32) *Nəŋu-ni moo-wə gada-li-hə-ni*
 младший.сиблинг-3SG дрова-ACC собирать-INC-PST-3SG
 ‘Младшая стала собирать дрова’ (Shneider_Anuj20.229).
- (33) *...uti timadu-ni minti sa-li-ə-fi-di...*
 этот утро-3SG 1.PL.INCL знать-INC-PP-1PL.INCL-DAT
 ‘...в то утро, когда мы познакомились (букв. начали
 знать)...’ (Kancuga.МП.XXIV).
- (34) *Bi jəu-də xoŋto-wə ə-si-mi ŋoni-li*
 1SG что-INDEF другой-ACC VNEG-PST-1SG уметь-INC
oŋo-mi...
 рисовать-GER
 ‘Я ничего не научился (букв. не начал уметь) рисовать...’
 (Kancuga.МП.II).

Одновременно с указанием на начало ситуации, данный показатель указывает и на то, что ситуация имела некоторую длительность. Сам по себе глагол *gada-* ‘собирать, собрать’ в удэгейском языке может обозначать как событие, так и процесс. Форма претерита *gada-ha-ni* в принципе может интерпретироваться двояко — ‘он собирал’ и ‘он собрал’. Поэтому появление инхоативного суффикса указывает на интерпретацию данной ситуации как процесса.

- (35) *Oloxi əl'ə-si, əu-gi-li-ə-ni.*
 белка наесться.PRF-PC.SS спускаться-REV-INC-PST-3SG
 ‘Белка наелась и стала спускаться вниз’ (NV2.Squirrel and
 Kialu.011).
 ср.: *Oloxi əl'əsi əu-gi-ə-ni* ‘Белка наелась и спустилась вниз’

При этом, естественно, глаголы в претерите или перфекте с данным показателем приобретают инцептивное значение и на русский язык часто переводятся глаголами совершенного вида: *ŋəŋə-li-hə-ni* «он отправился (начал движение прочь)»; *soŋo-li-hə-*

версатива), следовательно, исходный глагол употребляется, хотя и очень редко.

ni «она заплакала (она начала плакать)»; *sakeä əjə-li-hə-ni* «кровь потекла (начала течь)».

Однако сильно-предельные глаголы (обозначающие события), для которых обозначение начальной стадии семантически не оправдано, в презенсе получают при присоединении инхоативного суффикса проспективное значение:

<i>uja-</i>	‘промазать’	<i>uja-li-ini</i>	‘вот-вот промажет’;
<i>əki-</i>	‘остановиться’	<i>əki-li-ini</i>	‘вот-вот остановится’;
<i>tiymə-</i>	‘упасть’	<i>tiymə-li-ini</i>	‘вот-вот упадет’;
<i>xətigə-</i>	‘прыгнуть’	<i>xətigə-li-ini</i>	‘вот-вот прыгнет’.

Для того чтобы получить значение вхождения в процесс (чаще всего мультипликативный) такие глаголы присоединяют два показателя — показатель имперфектива (*-si-*) + показатель инхоатива (*-li-*):

<i>uja-</i>	‘промазать’	→ <i>uja-si-</i>	‘все время промазывать’	→ <i>uja-si-li-</i>	‘начинать промазывать (например, о пожилым охотнике)’;
<i>əki-</i>	‘остановиться’	→ <i>əki-si-</i>	‘останавливаться’	→ <i>əki-si-li-</i>	‘начать останавливаться’;
<i>tiymə-</i>	‘упасть’	→ <i>tiymə-si-</i>	‘падать’	→ <i>tiymə-si-li-</i>	‘начать падать’;
<i>xətigə-</i>	‘прыгнуть’	→ <i>xətigə-si-</i>	‘прыгать’	→ <i>xətigə-si-li-</i>	‘запрыгать’.

Инхоативные глагольные формы наиболее частотны в претерите или презенсе, а также в различных нефинитных формах. Пр продемонструю употребление данного показателя в будущем:

- (36) *Vua zugu-ni oo-li-zəŋa-i bi.*
тайга выдра-3SG делать-INC-FUT-1SG 1SG
‘Теперь я стану таежной выдрой’ (NV1:Otter and crow.030).

Показатель имперфектива (суфф. *-si-*) указывает на среднюю стадию ситуации. Определение его как имперфективного заимствовано мною из грамматики И. Николаевой и М. Тольской [Nikolaeva, Tolskaya 2001, 315–316]. Е. Р. Шнейдер называл эту форму «многократным видом», что, по-видимому, не вполне справедливо, но объяснимо. Он пишет:

...этот суффикс придает глаголу характер многократности; напр.: *olokto-si-mi* много раз, неоднократно варю (*olokto-mi* варю). Этот же суффикс часто служит для образования глаголов, выража-

ющих пребывание в известном состоянии или положении. Он присоединяется преимущественно к основам, выражающим как раз те действия, которые направлены к достижению этих состояний или положений, напр., *zawa-si-mi* — держу (*zawa-mi* ‘беру’) [Шнейдер 1936: 139].

Представляется, что мультипликативное значение, отмеченное Шнейдером, является лишь частным, а не центральным значением данного суффикса. Так, трактовка Шнейдером форм типа *olokto-si-mi* как мультипликативных «много раз, неоднократно варю» не верна. Глагол *olokto-* ‘варить, сварить’ относится к разряду слабо-предельных. В разных видовременных формах он может обозначать как событие, так и процесс. С граммемой перфекта он будет, очевидно, обозначать события *olokt'o* ‘он сварил’; интерпретация этого глагола в претерите зависит в большей степени от контекста: *olokto-ho-ni* может означать как ‘сварил’, так и ‘варил’. С суффиксом *-si-* глаголы такого типа обозначают процесс в его срединной части (примеры см. ниже), а никак не повторяющиеся действия.

Итак, первичное аспектуальное значение суффикса *-si-* — указание на срединную часть ситуации, которая представляется как процесс.

Важнейшей характеристикой данной граммемы является тот факт, что она не может употребляться с глаголами, обозначающими состояние:

<i>saa-</i>	‘знать’	<i>*saa-si-</i>
<i>ηələ-</i>	‘бояться’	<i>*ηələ-si-</i>
<i>ñoni-</i>	‘уметь’	<i>*ñoni-si-</i>

Следовательно, мы, скорее всего, имеем дело с граммемой прогрессива, если использовать критерий З. Вендлера [Vendler 1957]. Такому решению, однако, противоречит способность глаголов с этим суффиксом передавать хабитуальное значение.

Данный суффикс может сочетаться со стативными глаголами: «сидеть», «стоять» и т. п., а также «жить».

Таким образом, данный показатель способен передавать значения прогрессива, мультипликатива и хабитуалиса, но не длительность для стативных глаголов. Я все же применяю термин «имперфектив», хотя данный аспектуальный кластер в удэгейском языке имеет свои особенности и тяготеет в первую очередь

к значению прогрессива. Поэтому основным для этой формы я буду считать значение прогрессива, понимаемое как значение динамической длительности. Ср. пару *aŋasi-* ‘ночевать’ — *aŋala-* ‘переночевать’:

(37) а. *Bəhæ-du aŋa-si-ga-i.*

Бя-DAT ночевать-IM-PRF-1SG

‘Я ночевал на реке Бя (находился всю ночь)’
(Shneider_Anuj14.018).

б. *Bəhæ-du aŋal'a-i.*

Бя-DAT ночевать.PRF-1SG

‘Я переночевал на реке Бя (и поехал дальше)’.

Слабо-предельные глаголы («вышивать», «варить») с данным суффиксом получают значение длительного процесса:

(38) *Maŋga goo-zi baatuga-si-ga-u.*

сильно долго-INS промыслять-IM-PRF-1PL.EXCL

‘Очень долго мы ходили промыслять’ (Shneider_Anuj11.036).

zəuŋi- ‘готовить, приготовить (пищу)’ → *zəuŋi-si-* ‘готовить (пищу)’;

zəgdə- ‘гореть, сгореть’ → *zəgdə-si-* ‘гореть’.

Хабитуальное значение более характерно для глаголов, обозначающих непредельные процессы:

(39) *Gəolaga aisi-wa galakta-si-ti (galakta-si-wasi-ti).*

геолог золото.ACC искать-IM-3PL (искать-IM-DIV-3PL)

‘Геологи ищут золото’.

galakta- ‘искать’ → *galakta-si-* ‘обычно искать’;

tukä- ‘бежать’ → *tukä-si-* ‘бегать’.

Хабитуальное значение получают также глаголы, обозначающие мультипликативные процессы:

simpi- ‘кашлять’ → *simpi-si-* ‘кашлять (обычно, постоянно)’,
ср. также:

simpi-ndə- ‘кашлянуть’ → *simpi-si-ndə-* ‘подкашливать (постоянно)’.

Присоединяясь к пунктивным глаголам, эта граммема придает им значение мультипликативного процесса:

- (40) *Dawa läsi əgdi, abuga omoči aki-si-ini.*
 кета очень много отец постоянно колотить-IM-3SG
 ‘Кеты очень много, отец все время колет’ (Kancuga.I.3.056).

aki- ‘колотить острой’ → *aki-si-* ‘колотить и колотить острой’;
xätigə- ‘прыгать, прыгнуть’ → *xätigə-si-* ‘прыгать и прыгать’.

При этом не исключается и хабикулярная трактовка таких форм:

uja- ‘промазать’ → *uja-si-* ‘промазывать многократно’ →
 ‘промазывать постоянно’ (ср. перевод формы *uja-si-ini*,
 предложенный информантом: «все время мажет»).

При присоединении данного суффикса сильно-предельные глаголы (глаголы достижения: «брать», «сесть» и т. п.) получают результативно-процессуальное значение. Это как раз то значение, о котором писал Шнейдер. Такая форма обозначает процесс, возникший в результате действия, которое выражает исходный глагол, ср.:

- (41) *Cind'a uti moolo (doo-ho-ni) doo-si-ni.*
 птица этот дерево.LOC садиться-PST-3SG садиться-IM-3SG
 ‘Птица (села) сидит на этом дереве.’

doo- ‘сесть (о птице)’ → *doo-si-* ‘сидеть (о птице)’;
zawa ‘брать’ → *zawa-si-* ‘держат’.

Глаголы с суффиксом имперфектива в претерите практически не меняют своего аспектуального значения — ситуация лишь переносится в план прошедшего. С перфектом же глаголы с *-si-* часто получают делимитативное прочтение:

- (42) *Uta-digi gəhə-gəhə kig'o-si-go-i.*
 этот-ABL вместе-вместе свистеть-IM-PRF-1SG
 ‘Тогда я посвистел вместе с ней (с птицей)’
 (Shneider_Anuj13.012).

Многие глаголы с суффиксом *-si-* являются лексикализованными и без этого суффикса не употребляются. Вот только некоторые из них:

alasi- ‘ждать’;
bəläsi- ‘помогать’;
gusi- ‘играть’ (ср. *guəzəŋə* ‘игрушка’);
jatasi- ‘рожать’ (ср. *jat'au* ‘родильный шалаш’).

Показатель *-si-* сочетается с другими аспектуальными суффиксами, Очень частотно сочетание с инцептивным суффиксом *-li-*. Такое сочетание обозначает вхождение в процесс (в том числе мультипликативный).

- (43) *Diga-mi mutu-ə-si, abuga əniŋə zuŋə dawa-wa*
есть-GER закончить-PP-SS отец мать COMIT кета-ACC
nəmiktə-si-li-ə-ti, bu-tənə dəkə-lə
резать-IN-INC-PST-3PL 1PL.EXCL-CONTR амбар-LOC
l'o-gi-si-ə-mu.
вешать-REV-IM-PST-1PL.EXCL
'Закончив есть, отец с матерью стали нарезать кету, а мы развешивали в амбарчике' (Кансуга.1.3.073).

Во многих случаях формы с суффиксом *-si-* оказываются близкими по смыслу, почти синонимичными формам активного презентного причастия в финитном употреблении:

- (44) *G'ai-ŋi-ni mənə isə-si-ni, tu təə-hi-ni.*
ворона-ALIEN-3SG REFL смотреть-3SG так садиться-PRP-3SG
'А ворона сидит себе и смотрит' (NV1:Otter and crow.012).

Семельфактив *-ndA-* выделялся Шнейдером как однократный вид (суфф. *-ndA-*). При этом он замечает:

...этот суфф. придает глаголу характер однократности; напр. *xəuti-ndəhə-mi* — (я) крикнул (*xəutihə-mi* кричал). Однократный вид может выражать также действие кратковременное или действие, проявляющееся в ослабленной степени, напр., *ŋuħa-ndaha-mi* — (я) вздремнул, ненадолго уснул ... В отличие от русского языка глаголы однократного вида употребительны и в настоящем времени [Шнейдер 1936: 138–139].

Действительно, для данного показателя отмечаются два основных значения: собственно семельфактивное и аттенуативное (см. также [Nikolaeva, Tolskaya 2001]). По наблюдениям авторов удэгейской грамматики, «Глаголы психических восприятий и эмоций, такие как *aju-* 'любить', *galu-* 'ненавидеть', *agda-* 'радоваться' и т. п., обычно не совместимы с аффиксом семельфактива *-ndA-*» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311].

Показатель семельфактива служит, в первую очередь, для изменения акциональной характеристики исходного глагола. Глаго-

лам, выражающим процессы, в том числе мультипликативные, придается пунктивное значение, с оттенком внезапности действия:

- (45) ...*uti sakia-zi-ni xəgəixi əi-mi*
 этот кровь-INS-2SG вниз VNEG-GER
sabda-nda-wana, xas'a dioixi-ni kungədə-ə-ni.
 течь(о.крови)-SEM-CAUS короб внутрь-3SG наливать-PST-3SG
 '...не дав пролиться на землю ни одной капли крови, наполнил ею берестяной короб' (Simonov 761).

ɲohosi- 'нюхать' → *ɲohosi-ndo-* 'нюхнуть';
osi- 'становиться' → *osi-nda-* 'появиться';
čiso- 'сесть на корточки' → *čiso-ndo-* 'резко присесть на корточки';
məjə- 'думать' → *məjə-nda-* 'подумать';
zaka- 'выпадать (о первом снеге)' → *zaka-nda-* 'внезапно выпасть (о первом снеге)'.

Присоединяясь к основам глаголов, выражающих мультипликативные процессы, данный суффикс придает им значение «кванта действия»:

tagdi- 'дергать' → *tagdi-nda-* 'дернуть';
pifa- 'трясти' → *pifa-nda-* 'тряхнуть';
simpi- 'кашлять' → *simpi-nda-* 'кашлянуть'.

Пунктивные глаголы часто получают аттенуативное значение (ослабленного действия):

- (46) *Ɔalazii əkə bagba-nda-ha-ni saɲa cul-də.*
 рука-INS-SS чуть ткнуть-SEM-PST-3SG дыра прямо-FOC
 'Тихонько ткнул рукой прямо в отверстие' (Shneider_Anuj20.023).

При этом «ослабленность» действия может пониматься по-разному: с ослабленной интенсивностью, недолго по времени, немного количественно и т. п.:

gigä-nda-a-ni 'он покачал (головой)' — ослабленная интенсивность;
təə-nda-ə-mi 'я немного посидел' — недолго по времени;
agdi-nda-ini 'он делает небольшую зарубку' — объект небольшого размера;
budə-nda-ini 'умирает на время (природа)' — временное действие (не навсегда).

Как справедливо отмечал Шнейдер, такие глаголы имеют полную парадигму и могут сочетаться с граммемами всех видо-временных форм. Примеры на презенс данных глаголов уже приводились, они могут употребляться и в отношении будущего события (в примере (47) — форма оптатива):

- (47) «*Ña ɲənə-ndə-zə-fi kää-tigi-ni, diana-ini*
еще идти-SEM-OPT-1PL.INCL рядом-DIR-3SG говорить-3SG
Mitə.

Митя

‘«Еще подойдем ближе», — говорит Митя’ (Kancuga.I.4.008).

Есть несколько лексикализовавшихся глаголов с показателем семельфактива:

uində- ‘поднимать, приподнимать’ (ср. *ui* ‘верх’);

əəndə- ‘нечаянно ранить’ (*əə* ‘сторона’);

tinda- ‘отпускать (на волю)’ (возможно, связано с *ti-* ‘отнимать’).

Показатель сингулятива (суфф. -*lA-*) специально Шнейдером не выделялся. И. Николаева и М. Тольская указывают для данного суффикса одно значение: «действие имело место только один раз» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311]. Это, безусловно, так. Важным, однако, является тот факт, что глагольные формы с суффиксом *-lA-* не могут сосуществовать внутри одной словоформы ни с показателем имперфектива *-si-*, ни с показателем семельфактива *-ndA-*. Они образуют как бы парадигму аспектуальных значений, причем важнейшим оказывается как раз противопоставление показателей *-lA-* vs *-si-*: *anda-la-* ‘подружиться’ — *anda-si-* ‘дружить’; *aŋa-la-* ‘переночевать’ — *aŋa-si-* ‘ночевать’. Такие пары противопоставлены на основе их аспектуального значения «длительное незаконченное действие, процесс» — «законченное действие, событие». В этом смысле значение показателя сингулятива определяется его контрастивным значением. Оно обозначает событие, которое является однократным в противоположность процессу.

Тут имеет смысл рассмотреть противопоставление сингулятив vs семельфактив, поскольку имеются пары типа: *mäusa-la-* ‘выстрелить’ vs *mäusa-nda-* ‘выстрелить, стрельнуть’. В обоих случаях действие является однократным, т. е. оно «имело место

только один раз». Если не учитывать аттенуативного значения, которое может иметь глагол с показателем семельфактива, то следует заметить, что подчеркивание единичного характера действия характерно скорее для глаголов с суффиксом семельфактива. Формы с показателем *-lA-* не указывают на то, что это действие является исключительным: охотник может выстрелить не раз в течение охоты, но о каждом выстреле можно сказать: *mäusa-la-ha-ni* ‘он выстрелил’. Форма *mäusa-nda-ha-ni* будет скорее значить ‘неожиданно выстрелить’, нечто вроде «Рабинович стрельнул, стрельнул, промахнулся».

Вот некоторые примеры употребления глаголов с показателем сингулятива:

- (48) *Sälämэгэ тиймэ-лэ-һэ-ни, lufam-da.*
 Сэлэмэгэ падать-SING-PST-3SG наколовшись-FOC
 ‘Сэлэмэгэ упал и напоролся (на нож)’ (Sh:Selemege.158).
- (49) *Jэгdig’э tagda-a-ni, zawa-a-ni moo*
 герой сердиться-PST-3SG брать-PST-3SG дерево
jэгgdэ-wэ-ни, wэнтэ-лэ-ни cinciba-tigi.
 головешка-ACC-3SG бросить-SING-3SG синица-DIR
 ‘Рассердился мóлодец, схватил обугленную головешку и бросил в синицу’ (NV3.Cinciba.020).

В приведенных выше примерах глаголы с суффиксом *-lA-* действительно обозначают однократное событие, которое можно трактовать и как неожиданное. Однако, ср. такое употребление (дается левый контекст):

- (50) *Omo lusa-tәнэ хоксо-гы-һө-ни, mafa-bэдэ.*
 один русский-CONTR нападать-REV-PST-3SG медведь-как
Utawa gida-zi gida-la-ha-ti.
 этот-ACC копьё-INS колоть.копьем-SING-PST-3PL
 ‘А один русский бросился в драку, как медведь. Его копьями закололи’ (Shneider_Anuj6.049-050).

В примере (50) действие уже труднее интерпретировать просто как однократное. Даже если объект был заколот мгновенно, действовали несколько агентов, о чем свидетельствует множественное число глагола («копьями закололи»). Это предполагает, что ситуация имела сложную структуру, однако был полно-

стью достигнут финал. В данном примере семельфактивный глагол (*gida-nda-* ‘ткнуть копьем’) был бы невозможен. Его употребление обозначало бы, что копьем ткнули, но результат остался неизвестным (убили или нет). По-видимому, сингулятив в отличие от семельфактива указывает на то, что действие достигло некоторого финального результата.

Таким образом, для показателя сингулятива можно постулировать значение однократного действия-достижения. В этом смысле интересно замечание И. Николаевой и М. Тольской о показателе *-IA-* «Он совместим только с предельными глаголами, обозначающими внутренне однородное событие» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311]. Это верно для тех случаев, когда этот показатель присоединяется к глагольной основе (более корректно было бы говорить о «потенциально предельных глаголах», поскольку те же глаголы могут обозначать и процессы). Однако, когда этот показатель присоединяется к именной основе, следует считать, что именно он придает глаголу определенное видовое значение, так сказать «совершенный вид».

Заключение

Рассмотрение средств, которые передают аспектуальные значения в удэгейском языке, показывает, что основными средствами передачи аспектуальных значения являются показатели глагольной деривации. Они в разной степени грамматикализованы. Некоторые из них не могут встречаться внутри одной словоформы. Два показателя (имперфектив и сингулятив), присоединяясь к исходным основам, образуют семантические пары, противопоставленные как «процесс» — «законченное действие». Одновременно в языке присутствует грамматическая оппозиция претерит — перфект. Формы перфекта выражают достаточно типичные для данной формы аспектуальные значения.

В целом следует сказать, что в удэгейском языке, как и во многих других языках мира, нет средств, которые выражали бы исключительно аспектуальные значения. Эти значения выражаются либо в грамматике — кумулятивно с временными значениями, либо деривативно, и в этом случае, смыкаются со средствами межкатегориальной деривации, а в ряде случаев — с лексическим значением глаголов.

Сокращения

1 — 1 лицо; 2 — 2 лицо; 3 — 3 лицо; ABL — аблатив (падеж); ACC — аккузатив (падеж); AIM — форма цели (конверб); ALIEN — отчуждаемая принадлежность; CAUS — каузатив (актантная деривация); CONTR — противительная частица; DAT — датив (падеж); DEAD — покойный (о людях); DEST — дестинатив (падеж); DIR — директив (падеж); DIST — дистрибутив (глагольная множественность); DIV — диверсатив (глагольная множественность); EXCL — эксклюзив; FOC — показатель фокуса (частица); FUT — будущее время; GER — герундий; GO — движение для осуществления действия; HAB — хабиуталис; IC — имперфективный конверб; IM — имперфектив; IMP — императив (наклонение); INCL — инклюзив; INDEF — неопределенное местоимение; INS — инструменталис (падеж); LOC — локатив (падеж); OPT — оптатив (наклонение); PL — множественное число; PP — перфектное активное причастие; PRS — презент; PRF — перфект; PRO — проспектив; PRP — презентное активное причастие; PST — претерит; REFL — возвратное местоимение; REV — реверсив; SEM — семейфактив; SING — сингулятив; SG — единственное число; SS — кореферентный субъекту; VNEG — отрицательный глагол

Источники

- Kancuga. I. — А. Канчуга. Багдисэ хокто тэлунуни. Автобиографическая повесть. Часть I. Детство // Исследования по тунгусоведению 22. Саппоро: Филологический факультет университета Хоккайдо, 2003.
- Kancuga. МП. — Антуанэ де Сент-Экзюпери. Ница принцэ. Маленький принц. На удэгейском языке. Перевод с русского языка Александр А. Канчуга // Исследования по тунгусоведению 46. Саппоро: Филологический факультет университета Хоккайдо, 2009.
- Kormushin — И. В. Кормушин. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.
- NV — Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, эхэ // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока 18. Новосибирск: Наука, 1998.
- Sh:Selemege, Sh:Two oldmen — Е. Р. Шнейдер. Сэлэмага. Сказки народа удэ. Л.: Гос. изд-во детской литературы, 1935.
- Shneider_Anuj — Е. Р. Шнейдер. Материалы по языку анюйских удэ // Научно-исследовательская ассоциация Института Народов Севера им. И.Г. Смидовича. Вып. 11. М.-Л., 1937.
- Simonov — М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга. Словарь удэгейского языка в 3-х томах. Стеншев: Издание А. Маевича, 1998.

Литература

- Аврорин 1959–1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1–2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959–1961.
- Акциональная классификация, ms — Акциональная классификация глагольных лексем (материалы для подготовки статей). Анкета, подготовленная в Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН, ms.
- Василевич 1948 — Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Наука, 1948.
- Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН. 2001.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.
- Перехвальская 2010 — Е. В. Перехвальская. Аспирированные и глоттализированные гласные в диалектах удэгейского языка // Вопросы языкознания 6, 2010. С. 60–87.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: УРСС, 2011.
- Симонов 1988 — М. Д. Симонов. Фонологическая система удэгейского языка // Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. Новосибирск, 1988. С. 44–88.
- Суник 1958 — О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Просвещение, 1958.
- Цинциус 1948 — В. И. Цинциус. Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков // Известия Академии наук СССР. Отделение языка и литературы. Т. 7. Вып. 6. 1948.
- Цинциус 1965 — В. И. Цинциус. Сложные предикативные конструкции и аналитические формы глагола (по материалам северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков) // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1965. С. 240–252.
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М.; Л.: Учпедгиз. 1936.
- Bualtova, Grenoble 1999 — N. Bualtova, L. Grenoble. Evenki // Languages of the world. Materials 141. LINCOM Europa, 1999.
- Girfanova 2002 — Albina H. Girfanova. Udeghe. München: LINCOM Europa, 2002.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. Evenki. London and New York: Routledge, 1997.

- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and times // The Philosophical Review 66. 1957. P. 142–160.